

НЕВ

На поверхности солнца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Ненев

На поверхности солнца

«Автор»

2026

Ненев Ю. В.

На поверхности солнца / Ю. В. Ненев — «Автор», 2026

Столичный журналист ведёт размеренную скучную жизнь. Отсутствие личной жизни замещает бесконечная работа в редакции, которая продолжается даже во время отпуска. Герой уже свyksя со своей судьбой, не ожидая, что та подкинет ему такого рода приключение.

© Ненев Ю. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

На поверхности солнца

Глава

Глава 1

Тот день у Евгения Тюменцева получился очень насыщенным. На работе оставалось куча дел, которые он никак не мог разгрести, поэтому пришлось задержаться: хотя, Тюменцев ненавидел задерживаться после окончания рабочего дня. Справившись с горой дел худо-бедно быстро, он поспешил быстрее домой. Выйдя из метро, он вновь оказался в шуме и суете столицы. Назойливые уличные торговцы продавали различную дребедень: посуду, старые книги, статуэтки, плёночные кассеты, DVD-диски. Несмотря на свою надоедливость, они придавали жизнь и колорит городу. Тюменцев прошмыгнул в парк, кроны деревьев которого давали хоть какую-то спасительную тень от раскаленного вечернего солнца. Где-то рядом затихала шумящая стройка реконструкции спортивного стадиона. Тюменцев выбрался из парка и оказался в квартале панельных домов. «Наконец-то долгожданная тишина!» - подумал Евгений. И правда: тут царила уже совсем другая атмосфера: неспешно прогуливались местные жители, старики сидели на лавочках возле подъездов, из распахнутых окон доносился галдёж, звон посуды, шкварчение готовящейся на плитах снеди.

Евгений жил один. Несмотря на то, что ему было уже за тридцать, семьёй он так и не обзавёлся. У него были родственники: мать и брат. У брата была жена и дети, он купил квартиру в ипотеку в другом районе города, туда же переехала и мать – помогать молодой семье. Так Евгений остался один. На личном фронте ему чертовски не везло, но за годы он привык к одинокой жизни и особо не тяготился этим.

В ту ночь Евгений лёг спать в первом часу ночи, но заснуть было тяжело. То ли духота, не спадавшая даже ночью, то ли внутреннее истощение, то ли тревожное ожидание следующего дня – первого дня отпуска, не давало покоя. Тюменцев включил телевизор. Переключая с канала на канал, он искал что-нибудь такое, за что может зацепить глаз. Наконец, он остановил свой выбор на вечернем выпуске новостей. Тот уже подходил к концу, а далее начинался ночной эфир: очередной выпуск телепередачи про психологию отношений. На этот раз выпуск был посвящен теме преодоления внутренних комплексов. Это весьма заинтриговало Тюменцева: по профессии он был журналистом, и сейчас плотно работал по теме психологии любовных отношений и всему, что с этим связано. Главный редактор поставил задачу перед Евгением к началу сентября подготовить материалы, и особенно делать акцент на вопросе гештальтпсихологии, «анатомии и химии любви», саморефлексии и преодолению внутренних комплексов. Работа двигалась с большим скрипом: эксклюзивной информации а интернете он никак не находил, из вороха макулатуры книжек по психологии ничего стоящего не вычитал. Оставалась надежда только на отпуск: возможно, получится развеяться и настроить мозг на выполнение задачи. Выпуск телепередачи, посвященный осознанию и преодолению сексуальных комплексов весьма понравился Тюменцеву. Он даже начал завидовать коллегам-журналистам с этого телеканала. И как им это так удалось? Потом мужчина погасил свет, выключил телевизор и отошёл к концу. Сначала он ворочался с боку на бок, открытое окно не давало облегчения от жары. Подушка наливалась жаром и промокала от пота, стоило на ней хоть чуть-чуть полежать. Сон обуял Евгения только когда небо за окном стало синеть.

Проснулся Тюменцев в двенадцатом часу дня. Он открыл глаза – первый день отпуска. У соседей ремонт, они жужжат дрелью, но это всё ерунда: главное, что он не на работе. Небо за окном лазурно-голубое, зелень крон деревьев переливается в золоте солнца, вышедшим особенно жарким в этом году. Дневной свет уносил в небытие сны, которые ночью попеременно сменяли друг друга. Все они были какие-то неприятные. Тюменцев хотел оставить в памяти

какой-нибудь из них, но в тот момент вспомнил, что сны улечиваются, если посмотреть в окно. Он снова закрыл глаза и опять наступила реальность ночи. Сознание рисовало картинки пугающего сна: ясный летний день, спальный район, во дворе одного из домов траурная процессия. Мимо всего этого действия проходит он – Тюменцев. Он всматривается в процессию и видит, что по улице катят гроб на велосипедных колёсах. В нем лежит молодая девушка. Тюменцев подходит ближе, ему никто не мешает. Сам не зная за чем, он начинает обнимать её мертвое тело, и о ужас! Мертвец открывает глаза и протягивает свои бледные руки к Евгению.

Евгений в страхе открывает глаза, сердце его неистово колотится. И зачем он решил запомнить сон? Что за мерзость ему снилась, и к чему бы? Нет! Нужно срочно посмотреть в окно!

Но было уже поздно: ночной кошмар прочно врезался в память. Евгений поднялся с постели и, поправив рукой растрепавшийся за ночь «маллет», прошел на кухню. Он выглянул в окно, посмотрел на термометр: ртутный столбик уже был на отметке тридцати градусов выше нуля. «Злое нынче солнце!» - подумал про себя Тюменцев и нажал кнопку электрического чайника.

Не прошло и часа, как Евгений начал собираться выбраться на улицу. Он волновался. Ему, как журналисту, не раз приходилось проникаться чем-то новым, неизведанным, а порой и опасным. Но в этот раз он волновался, как никогда. Для него это было не просто частью работы, но и шаг отваги и победы над собой и своими комплексами. Евгений, работая над материалами, частенько натыкался на информацию по этой щекотливой теме. Теперь, вдохновленный вчерашней телепередачей, он решился на этот шаг. И вот, наконец, этот момент не за горами: лето, жара, пятница, первый день отпуска. Евгений стал складывать в сумку-почтальонку всё необходимое: цветастую хлопчатобумажную ткань, крем для загара, лейкопластырь, йод, бутылку газированной минеральной воды из холодильника, полотенце, блокнот, шариковую ручку. Теперь всё: можно выходить.

Тюменцев довольно быстро пробежал от дома до метро. Спустившись по лестнице, он оказался в подземном царстве метро. Ему в лицо дуло прохладой и креозотовым ветром. В метро уже толпились люди, куда-то спешили: точно не на работу – рабочий день был уже давно в разгаре. Довольно быстро Тюменцев добрался до нужной станции. По ее платформе по направлению к выходу шагали такие же, как и он: отдыхающие – в легкой летней одежде, с сумками за спиной. Тюменцев в тот момент почувствовал себя каким-то чопорным, будничным: в гавайской рубашке, длинных «рваных» джинсах, бежевого цвета мокасинах. Вскоре, Евгений оказался на поверхности. У автобусной остановки толпились люди, прикрывались от беспощадной жары зонтами. Тюменцев неспеша протиснулся к тому месту, где будут открываться двери троллейбуса, надвинул солнцезащитные очки, и стал ждать транспорт.

Первым подъехал автобус. В него тотчас ринулось огромное количество народа, едва не подавив друг друга. Автобус отчалил от остановки и толкучки стало как-то незначительно меньше. Троллейбус пришел очень быстро. Опять построилась огромная очередь: на посадку открывались только передние двери, за ними турникет с валидатором для оплаты проезда. Это было весьма неудобно, потому что посадка в салон, таким образом, занимала много времени. Наконец, двери троллейбуса с шипением захлопнулись, и троллейбус с протяжным гудом понесся по проезжей части улицы. Горожане, толкавшиеся в салоне, фыркали, отворачивались друг от друга, охали, когда кто-то наступал на ногу или заваливался на соседа. Женский голос стал неистово открыть окно, ей возражал мужской голос, уверяя, что его продует, а люк на крыше и так открыт. Не обращая внимания на спор и, стоически перенося поездку, Тюменцев наблюдал за видами города за окном. На одной из остановок был супермаркет, над входом которого висело цифровое табло. Красные цифры показывали время и температуру за окном: два часа дня, сорок два градуса по Цельсию выше нуля.

«Ну, и жара! Как в Африке!» - подумал про себя Евгений, предвкушая то, чего ему предстоит пережить. – «Где-нибудь в Испании или Хорватии – это нормальная летняя температура, люди привыкли к ней и живут. Туристы тоже ездят туда за жарой, и она им даже нравится. Чего они ноют, когда такая испанская жара стоит в родной России?»

И вот троллейбус миновал пост ДПС с изможденным жарой милиционером. Дальше за окном показались балки боковых ограждений моста, за ними серо-серебристая гладь реки, поросший акациями берег, обочины дороги. Теперь голос репродуктора объявил конечную остановку. Пассажиры ринулись в распахнувшиеся двери, будто боялись куда-то опоздать. Тюменцев же вышел неспеша.

Одноэтажная шашлычная с пластмассовыми столиками и креслами во дворе, троллейбусный парк, заборы особняков. «Вот он: центр разврата!» - с усмешкой подумал про себя Евгений. Территория парка была весьма большой и в некоторых местах довольно запутанной. Тюменцев редко бывал в нем, и никогда не лез в дебри. Теперь же ему это предстоит сделать. Как добраться до нужной точки он посмотрел на карте-схеме в интернете, и теперь по памяти шел в нужном направлении.

Перебежав дорогу, он двинул вдоль решетчатого металлического забора, огораживавшего троллейбусный парк. Далее лес, знакомая тропка, бегущая через редкий сосняк, по которой бредут отдыхающие и иногда проносятся велосипедисты. Наконец, тишина и дыхание природы. Лучи палящего солнца стали более тусклыми из-за крон деревьев. Растения испаряли пахучие прохладные ароматы. Пахло свежестью сосновой хвоей, пожухлой от жары листвой, смолами коры, кустарниками, разбитыми вдоль аллеи клумбами. Зеленая чаща щебетала, кричала, стрекотала голосами множества птиц.

Дорога шла всё дальше, и теперь выходила к мосту, перекинутому через протоку с полустоячей водой. Тюменцев подошел к парапету, вдохнул сырой речной запах и огляделся кругом: опять сосны, только клонившиеся к воде, широкая голубая гладь разлива реки, в которую то и дело кто-то плюхается с моста, несмотря на запрещающий знак рядом.

Евгений пошёл дальше: в ту часть парка, до которой он никогда не добирался. Здесь уже была практически дикая зона. Заводь поросла тростником, рогозом, водяными ирисами. У самой кромки чёрной воды качались кувшинки, чешуйчатая ряска и плавающий в ней мусор. Тюменцев вспоминал дорогу: как гласила карта-схема, нужно было сделать поворот у озера. Проскочив между стволами лучистых сосен, он вышел к песчаному берегу. Там стоял неистовый жар, разгоряченные тела отдыхающих на песке, ивы и березки, склонившие свои обожженные головы к воде. Евгений, огибая лежащих «тюленей», начал пересекать пляж. Песка было так много, что он расступался под ногами, набивался в туфли. Не без труда Тюменцев добрался до густой рощицы, перед которой хлопотали со своими «железными конями» велосипедисты. «Как они добрались то сюда? По такому песку... продравшись через такую тучу людей». – подумал Тюменцев.

И вот ворота в это самое вожащенное место: узкая тропка, ныряющая в черную чащу. Евгений двинулся туда. Плотнo протоптанная дорожка спускалась ко дну овражка. По обочинам закручивались в причудливые формы мощные стволы деревьев, похожие на гигантских питонов, вырывавшихся из земли. Под деревьями было полно мусора: жестяные банки, пробки от бутылок, пластиковые пакеты, салфетки – неприятное и неухоженное место. Тропинка вела вверх к открытому, залитому солнцем пространству. Кусты по бокам тропинки шуршали: в тенистой чаще стояли странные люди, одетые совсем не по-летнему – в джинсовых костюмах, куртках-ветровках, бейсболках с надвинутыми на лоб козырьками, в руках у многих из них были увесистые пластиковые пакеты. Кто они и зачем тут стоят, и зачем им эти пакеты – загадка. Самое главное, что половина этих лиц неславянские. Таинственные незнакомцы в кустах, заметили на себе взгляд Тюменцева, начали смущенно отворачиваться, будто он застал их врасплох за чем-то запретным. Евгений встревожился: он иначе себе представлял нудист-

ский пляж: ревнители здорового образа жизни, водных процедур, зимнего моржевания и турпоходов – так это обычно выглядит на просторах всемирной сети. Что же видит Тюменцев, не дойдя и нескольких шагов до пляжа? Каких-то чудаков в кустах, собрание землячеств выходцев из солнечных республик бывшего СССР. «Еще и морду набьют мне тут, и ограбят» – подловил себя на мысли Евгений, фиксируя в голове первые впечатления.

И вот он выходит из рощи. Травянистый берег, тонкие стволы осинки с дрожащими на лёгком ветерке бирюзовыми листочками. На полянке из вытоптанной травы хохочут и резвятся две абсолютно голые девушки. Когда Евгений вышел из кустов, они тотчас обернулись в его стороны. Очевидно, что девушки были пьяны, они едва стояли на ногах, волосы их были расчёпаны. Глядя на Тюменцева, они о чём-то перешептывались, но это едва у них получалось: шёпот переходил на писк и вырывающийся хохот. Их белые, мокрые тела дрожали от смеха, подпрыгивали молодые девичьи груди, изгибались стройные тела.

«Вот это да!» – восхищенно подумал Евгений, но, однако, с невозмутимым видом прошёл дальше. Девушки продолжали смеяться, видимо, отпуская шуточки в его адрес. Тюменцев, не оборачиваясь, шёл дальше. Узкая грунтовая тропинка бежала вдоль речного берега. Справа от нее бурьян пожухлой от жары травы и заросли кустов, в которых всё еще мелькали странные люди. По левую сторону тропинки – широкая, тянущаяся на много метров, поляна, поросшая мелкой луговой травой и клевером. Совсем рядом у воды березы с потемневшими стволами. Кое-где на поляне растут приземистые жидкие кустарники багульника.

Подойдя к спуску к реке в форме полукратера, Тюменцев увидел, стоящего спиной, почти обгоревшего докрасна голого мужика. Он стоял, руки в боки, и куда-то смотрел вдаль. Обойдя «статую», Евгений чуть поодаль увидел лежавшего на траве, спящего парня, под головой которого был черный пластиковый пакет. Немного дальше от него обнаженная парочка: женщина при этом сидела на коленях у своего друга, держа пивную бутылку в руке. Заросли справа обрывались, и там поляна была особенно широкой. За ней росла посадка ольхи, а дальше открывался вид на огромный песчаный пляж, усыпанный нагой публикой обоёго пола и самых разных возрастов. На поляне, ведущей к этому пляжу, стоял еще один нудист лет, как минимум сорока, прилично обрюзгший, но при этом старательно делающий «зарядку» с махами руками, приседами, прыжками. Как и у настоящего правильного физкультурника, у него на плече было полотенце.

«Ну, точно мне тут морду начистят! Нудисты не любят чужаков, да еще и одетых. Евгений, как назло, еще и журналист: а акул пера никто не любит. Из сведений по данным интернет-форумов, Тюменцев знал, что если нудистская публика заметит, что ты её фотографируешь или снимаешь на видео без разрешения – то держись: разбито будет не только записывающее устройство. Не только из уважения к личному пространству и частной жизни, Евгений не взял с собой никакой аппаратуры, но и еще из опаски быть побитым. Тюменцев ощутил себя здесь чужим. Ему сначала хотелось бежать отсюда, или, по крайней мере, делая вид, что идет по своим делам, прошмыгнуть в более привычную часть парка. Однако, нудисты не обращали никакого внимания на Евгения. Лишь, когда он прошел дальше вдоль берега, ему встретился загоревший почти до бронзы сухощавый дед со стариковской клетчатой сумкой в руках, в которой сквозь помехи в эфире, бубнил радиоприемник. Старик мельком посмотрел на одетого гостя и побрел по своим делам. На узкой тропинке, где по одну сторону густые заросли местами вытягивали в проход свои ветви, Евгений попытался разойтись с крепкого вида мужиком. Не то, чтобы тот был горой мышц: просто хорошо сложенный, жилистый, неплохо загоревший. Своей светло-русой, чуть кудрявой шевелюрой, спускавшейся ему на плечи, он напоминал стриптизёра. Образ дополняли солнцезащитные очки из желтого стекла и... внушительного размера мужское достоинство. Незнакомец мельком всмотрелся на вторженца из другого мира и, совершенно не стыдясь своей наготы, разошелся на тропке с Тюменцевым. Напуганный Евгений даже чуть не соскользнул в поросший полынью и тимофеевкой овраг, тянувшийся вдоль

тропинки. Дорожка становилась всё более крутой, и теперь бежала под сенью берез, крона которых создавала плотный навес, спасавший от солнца. Тут, стоя на глинистом пригорке, о чем-то громко разговаривали двое молодых мужчин. Чуть поодаль, у мелкого выхода к реке толпились женщины, возрастом явно за сорок. Абсолютно голые, обрюзгшие, их разрыхлевшие тела давно потеряли стройность, молодость и гибкость. Среди них была молодая пара. Парень, видимо, первый раз привел свою девушку на нудистский пляж: та, боязливо трогала мыском ноги желтоватую воду реки. Парень по-джентльменски держал ее за руку. Толпа возрастных женщин внимательно уставилась на забредшего сюда «текстильщика» - так нудисты называют отдыхающих, которые голому отдыху предпочитают купальные костюмы.

Тюменцев поспешил пойти подалее от недоброжелательных взглядов обитателей пляжа. Дальше тропинка тянулась почти на одном уровне с рекой. Справа вырастали раскидистые заросли калины и бузины, источавшие свои резкие, тягучие ароматы. Дорожка поднималась всё выше, продиралась через лес берез, ольхи, и орешника. Тут было грязно: подлесок устлан различного рода бытовым мусором. А вот и здешний обитатель: мужчина лет тридцати, весь лохотный, по загару, видимо, больше посещающий солярии. Самое главное, что он был в трусах.

Обогнав гражданина, Евгений поднялся дальше по тропинке. Навстречу ему спускался немолодой мужик, опять же в трусах, пузатый, с выцветшими голубыми глазами. Он катил рядом с собой велосипед. «Что?! У того первого, что помоложе – трусы розовые!» - вдруг ударило в голову Тюменцеву. Выдохнув, он пошел дальше. И тут опять: два голых парня хихикали, шлепали друг друга по ягодицам. Услышав позади себя шаги, они обернулись, уступая Евгению дорогу. Они посмотрели на этого одетого чудака, но взгляд их был какой-то неприятный, рафинированно-сладкий, липкий. Тюменцев даже поморщился.

На выходе из зарослей была большая поляна, поросшая напрочь вытоптанной травой, которая здесь растёт незнамо как. Тут было гульбище: изрядно пьяная мужская компания, половина из которых была, как ни странно, для нудистского пляжа, в трусах, о чём-то с задором галдела. Из динамиков радиоприёмников грохотала музыка: здешние слушали чего-то странное – от отечественной попсы до японской электронной музыки. На траве расстелены скатерти, клеенки, уставленные бутылками, различного рода продуктами, овощами, ягодами. Тюменцев присмотрелся к отдыхающим: все они были пьяны, и от этой толпы на расстояние в несколько метров разило алкоголем. Те, что были «одеты», носили весьма экзотический фасон трусов: кто стринги, кто ядовитого цвета плавки, нередко с какими-нибудь сердечками и ангелочками. У многих на теле были татуировки непонятного значения, в проколотых сосках болтались кольца. Часть этой публики имела покрашенные волосы, у некоторых в ушах и в носах серьги. У Тюменцева появилось подозрение. Оно тут же подтвердилось, когда он проходил мимо двух немолодых мужчин, которые переговариваясь, с интересом уставились на незнакомца.

«Пососал, сплюнул. Пососал, сплюнул...» - говорил один другому, не отрывая глаз от Тюменцева. Еще немного впереди парочка: жирный старый боров и молодой худенький мальчишка лет восемнадцати на вид. Старый кабан, прищутив от удовольствия свои свинячьи глазки, поглаживал по руке мальчика с крашенными «перьями» волосами.

«Да это же скопище голубых! Куда я попал, чёрт меня возьми! Отсюда бежать надо, прикрывая зад сковородкой!» Тюменцев, подавляя тошноту и отвращение при виде этих первертов, бросился наутёк из этого места. Добрался до выхода с пляжа, где еще одна группа нудистов самого обычного вида играла в бадминтон. Теперь нужно обследовать нудистскую территорию с другого края, которая тянется вдоль леса. Пройдя через посадку невысоких ёлочек, загребая туфлями песок, Евгений двигался вперед. Перед ним просторная песчаная территория, иногда утыканная опять же ёлочками, но кроме них тут были еще и кусты жасмина. Это пространство располагалось впереди от места тусовки «голубой братии», и отделена от них кустами малины. На песчаном пляже под кустиками, едва отбрасывавшими тень, томилось

на солнышке не так много людей. Увидев «текстильщика», они провожали его глазами. Опять же Евгений чувствовал тут, как не в своей тарелке. А ведь ему еще надо найти здесь место и раздеться. Впереди бродила женщина, лет эдак за тридцать, брюнетка. Из одежды на ней была только соломенная широкополая шляпа. Она расхаживала, совершенно не стыдясь своего обнаженного, весьма красивого и стройного тела, перед пробегающими за сосновой посадкой гуляющих по парку граждан. Женщина посмотрела на приближающегося Тюменцева, надкусила персик, опять принялась расхаживать туда-сюда, загребая загорелыми голыми ступнями горячий песок. На тропинке у края леса, под соснами, опять начали попадаться странные граждане, которые даже не гуляли, а стояли, руки в брюки, и смотрели на нудистов. И опять же у них по пакету в руках!

Дальше пляж открывался в виде большой песчаной поляны. Из-за жары на ней никого не было, лишь двое конных милиционера прочёсывали сосновую посадку на краю нудистского пляжа. Впереди стеной росли огромные раскидистые сосны, видимо очень старые. Они были похожи на те диковинные древние деревья, которые обычно показывают в фильмах о динозаврах. Черда этих сосен тянулась почти до самых зарослей геев возле реки. Под сенью гигантских сосен тихо, прохладно. Треща давимыми ногами шишками, Тюменцев выбрался к волейбольной площадке, где голая публика, преимущественно мужского пола, носилась за мячом в эту сорокоградусную жару. Обходя волейболистов, Евгений двинул к тропинке, пролежавший между сосновым бором и зарослями, спускавшимся к реке. По пути он натолкнулся на абсолютно голого пьянчугу, который брел куда-то, едва переставляя свои ожиревшие, как и весь он сам, ноги. Пьяница держал в руках жестяную банку, в зубах была сигарета. Он с многозначительным видом уставился на Тюменцева, хотел было что-то сказать, но Евгений поспешил пройти дальше, не желая знакомства с этим типом. «Ох, не к добру тот сон про покойницу!» - вспомнилось Тюменцеву в тот момент ночное наваждение.

За соснами опять открывалась яркая от солнца большая песчаная поляна. Чуть ниже – узкая тропинка, в конце которой виднелась группка тех самых немолодых женщин у самого края воды. Тут, откуда ни возьмись, девушка в мусульманском платке, платье с закрытыми до запястий рукавами и длинной до пят юбкой. Она стыдливо отвернулась, увидев Тюменцева, и едва не бегом, ринулась прочь. Что она тут делает? Совсем нетипичный гость нудистского пляжа. Скорее всего, давимая традициями общества, в котором живет, она решила отведать чего-то запретного. Она нашла чего искала: город ведь большой, и в нем никто никого не знает, а это значит, что ее визит на нудистский пляж останется секретом.

Тюменцев решил, что расположиться на самой оживленной поляне будет наилучшей идеей. С одной стороны – это возможность понаблюдать за здешними обитателями, с другой возможность удалиться от назойливых глаз сторонних наблюдателей, бродящих рядом с пляжем. Он огляделся кругом, присмотрел тенистое местечко на краю поляны близ раскидистой сосны, отбрасывающей тень. Тюменцев расстелил на песок кусок ткани, почти разделся. Чувство стыда начало одолевать еще до того момента, как он стал одним из отдыхающих этого места. Евгений почувствовал, что стыд заставил зардеть его лицо и шею, от волнения начало перехватывать дыхание. Он нацепил очки на лицо и даже зажмурил глаза. Еще немного и свершилось... теперь он полноценный нудист.

Тюменцев боялся открыть глаза. Ему казалось, что на него уставился весь пляж, пристально изучает его, оценивает, хохочет. Он огляделся еще раз: ничего не происходит, окружающие абсолютно равнодушны к нему и его наготe. Кто-то сбился в группки и беседует о чём-то о своём, другие устроили пикник, третьи самозабвенно дремлют на солнышке, еще кто-то уткнулся в книгу. Тюменцев лег на живот, рассеянные лучики жаркого солнца пробивались через колючую крону сосны, пощипывало обнаженное тело, измученное многомесячной столичной зимой. Легкие наполнялись чистейшим запахом древесной смолы, хвои, шишек, доносившихся с реки легких сырых ароматов. Евгений успокоился. Такого ощущения он никогда не

испытывал. Это почти, как первый раз закурить и сделать затяжку, только не нужно давиться приторным табачным дымом – ощущение было приятным. Слегка кружилась голова, странное, легкое чувство будто бы поднимало Тюменцева в воздух и куда-то уносило. Уши заложило, звуки притихли. Было даже как-то непривычно оказаться в тишине на пляже: обычно эти места всегда шумные. Так прошли первые минуты отдыха Тюменцева на нудистском пляже.

Минут через двадцать он поднялся, встал в полный рост. Так непривычно оказаться полностью без одежды: мокрые и липкие от пота рубашка и джинсы лежали рядом, тело наполнялось чувством освобождения от пут. Тюменцев прикинул в уме на что это похоже и тут же взял на заметку: «с одеждой он избавился от свинцовых доспехов». Ему даже понравилась эта ловкая фразочка, которую он поспешил тут же записать в свой блокнот. Тело стало непривычно легким, гибким, сильным. Казалось, что расправились все жилы, суставы, связки, тяжкий груз свалился с костей, легкие наполнились живительным эликсиром. Он с довольным видом огляделся вокруг: всё было, как и всегда, разве что многие здешние обитатели привыкли к наготы и чувствовали себя в ней как в естественном состоянии. Никто никому не докучал, не приставал, не было кричащих мамок с вездесущими невоспитанными детьми, беспардонных собачников, любителей громкой музыки. Чем больше Тюменцев находился на пляже, тем больше он ему нравился. Так журналист внёс в свой блокнот еще пару коротких заметок о физическом ощущении.

Продолжая изучать место, Евгений начал прохаживаться взад-вперед, далеко не отходя от своей «лежанки», боясь быть обокраденным. Раскаленный медный диск был в зените и, выйдя из спасительной тени сосен, Тюменцев очутился будто в африканской Сахаре. Ступни утопали в глубоком белесом песке, который непривычно обжигал ноги, небесное светило принялось мелкоточечно колоть маленькими горячими иголочками шею, плечи, лицо. Наблюдая за обитателями пляжа, Евгений опять увидел странного косматого мужчину, похожего на стриптизера: он неутомимо продолжал бродить, будто патрулировал свою территорию. Некоторые отдыхающие стояли руки в боки, озирая пространство орлиными наблюдающими глазами. Еще одна особенность: мужчин здесь заметно больше, чем женщин, возрастной контингент преимущественно стремится к годам эдак сорока. Часть здешних обитателей явно хорошо знакома друг с другом: уж очень увлеченно они что-то обсуждают, сбившись в кучки. Для этих компашек даже есть особые места: клумбы из песка под сенью сосен, по форме представляющие из себя кратеры, края которых утыканы хвойными ветками и кустиками багульника. Возле таких клумб есть немногочисленные дети, но они ведут себя довольно спокойно, не носятся, не шумят, не дерутся. По всей видимости, среди нудистов есть и такие, которые практикуют такой вид отдыха всей семьей. Очередное наблюдение в блокнот: «семейный нудистский отдых». Евгений встречал такое на немецких сайтах, но, оказывается, и в России существует такое.

Начало вечереть. Солнце заливало золотом кроны деревьев, где-то вдали темнел лес. Тюменцеву очень хотелось окунуться в воду, но оставить вещи без присмотра он не рискнул. Даже оставить их без присмотра было не кому: он не был знаком ни с одним человеком, находящимся тут. Наконец, одна из компашек поднялась из своей клумбы-кратера. Обрадованный Тюменцев поспешил тут же перебазироваться на новое место. Клуба-кратер была весьма ухоженным и обустроенным местом. Внутри чуть утопленное дно, места для сидящих представляли из себя плотно утрамбованный песок, сложенный в форме подковообразной ступеньки. Внутренние стенки кратера укреплены толстыми палками. По центру располагался пенек, видимо использовавшийся как столик.

Тюменцев постелил на импровизированное сиденье полотенце, сел. Место оказалось приятно прохладным, отсюда был хороший вид на песчаную поляну. Евгений откинулся спиной назад, заметил тут же, в ветвях багульника жестяную банку из-под кофе. В ней были потушенные окурки сигарет. Рядом с клумбой находилась пластиковая баклажка со срезанным вер-

хом из-под бутилированной воды. В ней лежал какой-то мусор. Обитатели этого места явно заботились о чистоте пляжа.

Тюменцев хотел было закурить, потянулся за пачкой сигарет, лежавшей в сумке, но в то мгновение остановился: ему очень не хотелось вновь, по дурацкой привычке отравлять свои и без того измученные табаком лёгкие. Уж лучше продлить минуты, когда тело и весь организм дышит свежестью, сливается с кусочком природы: пусть не первозданной, но хотя бы похожей на такую.

- Вечер добрый! – услышал Евгений голос, с грассирующим «р». К его клумбе приближался человек лет около сорока пяти. Бледный, немного шуплый и в то же время рыхловатый. Из одежды на нём были только лишь увесистые очки в стеклянистой роговой оправой. Нет, незнакомец явно не был стариком, но своими очками, походкой, осанкой напоминал пожилого.

- Здравствуйте! – ответил ему Тюменцев.

- Я вот присматриваюсь к небу: ни одной тучки. Это, конечно, хорошо для отдыха, но что-то в этом году совсем уж тяжело. Я слышал, кое-где в области в районе Лосиногостовского даже вспышки малярии пошли.

- Да вы что?! Не слышал!

- А вы тут, видимо впервые? В клумбу вот сели, а они скоро вернутся. – показал взглядом незнакомец в сторону реки.

- Простите... кто они?

- Завсегдатаи. «Бомонд», как я их называю. Клумбы, которые тут находятся, - не для всех: элитное место, так сказать. Простите, забыл представиться: Владимир Владимирович. – незнакомец странным образом не протянул Евгению руки, а поднял ее в коммунистическом приветствии «рот-фронт».

- Будем знакомы: Евгений. – Тюменцев учтиво сделал кивок в знак приветствия. Владимир Владимирович спустился внутрь клумбы.

- Я тут обитаю уже много лет. Меня здесь все знают: можешь поспрашивать. Всех знаю кто, да что. А вы как-то особняком держитесь, как я вижу. – «Всё же они присматриваются к незнакомцам, не уйдешь от внимательного взора нудистов» - подумал Тюменцев.

- Не буду скрывать: я здесь в первый раз. Слышал, что здесь есть нудистский пляж, но не бывал никогда. Вот, решил испытать на себе...

- Поздравляю! Теперь вы уж точно втянетесь! – Обрадовался Владимир Владимирович с непоколебимой уверенностью, что Евгений тоже непременно будет завсегдатаем пляжа. Но с чего он это взял? Откуда ему знать: постоянное ли это увлечение или разовый визит? И почему сюда нужно постоянно ходить?

- А вот и Хонеккер и Ко! – повернулся в сторону Владимир Владимирович, указывая кивком головы Евгению на группу приближающихся отдыхающих.

На пляже вновь появились те самые завсегдатаи. Главным у них, видимо был тот самый высокий толстый здоровяк в военной фуражке. Рядом с ним спутники: худощавая бледноватая женщина лет тридцати пяти с длинными черными волосами, пряди которых были окрашены в розовый цвет; высокая, немного обрюзгшая женщина, постриженная под каре; хорошо загорелый пузатый мужик лет сорока пяти, не меньше.

- Ну, я пойду. – Буркнул Владимир Владимирович и выбрался из клумбы.

Ошибка вышла: заняли чужое место, нехорошо, нужно уходить. «И тут кумовство и коррупция!» - с досадой подумал Евгений. Не успел он далеко отойти от клумбы, как толстый здоровяк в фуражке его окликнул.

-Я? – показывал пальцем на себя Тюменцев.

- Ну, что вы бежите, будто преступление какое совершили? Хонеккер! – главный завсегдатай небрежно протянул Тюменцеву руку, Евгений пожал ее, почувствовав странно слабое рукопожатие такой большой мясистой лапищи. Тут же он понял, почему его называли «Хон-

некером»: на голове красовалась, сдвинутая набок форменная фуражка армии ГДР. Хонеккер криво улыбнулся, сверкнув золотым зубом. – Милости просим, товарищ! Как вас величать?

- Евгением.

- Присаживайся, Жень!

Тюменцева усадили в круг. Женщина с черно-малиновыми волосами достала колоду игральных карт.

- Играешь в карты? Давай, не стесняйся! – едва знакомый человек сразу же перешел на «ты», стал фамильярно называть Тюменцева. «Странные тут отношения» - подумал про себя Евгений. Хонеккер представил спутников: женщина с длинными черно-малиновыми волосами оказалась его женой, ее он представил как «Мушко». Возрастом она явно была заметно младше супруга: лет не более двадцати пяти. Она была немного странновата: немного нервная, то и дело теребила пряди крашенных волос, шмыгала носом, в ноздре и над правой бровью пирсинг. Какая-то перламутровая блямба красовалась у нее на пупке. В общий стиль вписывался ее маникюр и педикюр: ногти также были выкрашены чёрным и малиновым лаком. Вторую спутницу с мелированными волосами, постриженными под каре, звали Яна. Лет ей было едва немногим более тридцати, но к своим годам она уже успела располнеть и стать похожей на тётку. Загорелый мужик представился дядей Серёжей, он постоянно зубоскальничал, отпускал шутки, ёрничал, подкалывал собеседников.

Разговор шел как-то непринужденно. Новые знакомые не интересовались кто такой Евгений, откуда он и чем занимается. Зато Хонеккер довольно подробно рассказал кто он и откуда он. Когда-то он был военным, служил в Группе Советских Войск в Восточной Германии: на плечах у него красовались татуировки «ГСВГ» и «DDR», возле последней было даже изображение герба Восточной Германии – ГДР с колосьями пшеницы, молотом и циркулем. С распадом СССР и выводом советских войск и закончилась военная карьера этого человека, осталось лишь прозвище, данное в честь тогдашнего лидера ГДР – Эриха Хонеккера. Теперь он работает в одной из служб охраны, но о советском прошлом и о жизни в социалистической Германии вспоминает с теплотой, много рассказывает.

- Понимаешь, там это принято. Восприятие того, что та или иная часть тела запретная и греховная – пережиток средневековья, дикость. Германия тоже социалистическая, но они не занимались той глупостью, что мы: нудизм там целая идеология.

- ФКК. «Культура свободного тела». Сам работаю в турагентстве, за рубежом много мест для отдыха нудистов. В той же Германии есть даже тематические отели. Хорватия тоже самое! – поддерживал разговор Евгений, представившись сотрудником турфирмы.

- А ты немецкий знаешь?

- Нет. Только английский и французский.

- Бывал в Германии?

- Ни разу. Почти нигде не был. Это покажется странным, но у меня загранпаспорт совершенно пустой: ни в одной стране дальнего зарубежья не был, хоть и работаю в турагентстве. – тут Евгений несколько не лгал. Хоть он и был журналистом по профессии, но за пределы России ему выезжать никогда не доводилось.

- Даже так?! А я бы во Францию съездила. – вмешалась в разговор Мушко, проговаривая слова монотонным, несколько гнусавым голосом – Там самый большой нудистский пляж в мире: Сен-Тропе. И ходила бы там целыми днями абсолютно обнаженной, свободной и счастливой.

- Там еще и голые круизы есть на лайнерах. – Поддержал супругу Хонеккер. Тюменцев невольно усмехнулся, представив себе целый лайнер нудистов и то, как же погружены новые знакомые в тему нудизма: ходячие энциклопедии по этой части. Ему несказанно повезло: сразу же получил интервью из первых уст.

- А знаешь, что Ленин говорил? «Свобода человека начинается со свободы тела». В ГДР знали толк в марксизме-ленинизме, не извращали, как у нас. – Не унимался Хонеккер.

- А кто такой Владимир Владимирович? В очках такой тут ходит. – Спросил Тюменцев.

- Аааа! Этот! Володька Москвин! Краевед, автор школьных учебников по краеведению. Нудный тип, скажу я. С виду вроде и ничего, но если прицепится, то как банный лист к ж*пе. Вот видишь? Примостился к группке молодых девиц: ради них он сюда и ходит.

- Не любите его? – Спросил Евгений Хонеккера.

- Не то, чтобы не любим... тяжелый он в общении человек, зануда. Жадный, трусливый. Он ходит тут, поучает всех, замечания делает, а как набегут сюда команды КВН, так сразу смывается.

- Недавно, КВНщики цеплялись к одной девушке, которую Володька целый день старательно окучивал. Так он не вступился за нее, а сразу сбежал. – Добавила Мушко.

- А кто такие КВНщики?

- «Клуб веселых и находчивых». Команды у них разные: «молодые армяне», «молодые дагестанцы», «лихие казаки» - понаехавшие в столицу, а вести себя не умеют. Наведываются сюда иногда, провоцируют конфликты, поучают, как грешно ходить голыми. Но, самое главное: не нравится – не ходи сюда, а они все равно прутся. Не раздеваются, только глазами стреляют по голым женским телам. Ладно бы только это: главное, не дрались бы и не приставали к людям. Но порой они со своими нравоучениями и тайным интересом к нам выглядят смешно. Поэтому мы их и прозвали «КВНом».

- Не пугайте молодого человека, а то товарища потеряем. – Ворчал дядя Сережа, ломая в ладонях игральные карты: видимо масть не шла.

«И почему они решили, что коль я к ним сюда пришел, то непременно пополню ряды нудистов? И этот Москвин тоже так считает! Крайне самоуверенная публика!» - думал про себя Тюменцев. Однако, он не тяготился новыми знакомыми, наоборот: ему интересно было поближе узнать этих людей, мир которых для окружающих кажется чем-то особенным, неправильным, даже бесстыдным.

- Матч – реванш! – Уверенно заявил проигравший дядя Сережа. – У Хонеккера вон козыри в рукаве! Коммунисты никому не дают выиграть: диктатура партократии. – Шутил он. А ты, Жень, кстати, за кого болеешь на чемпионате?

- Вообще, за Францию и Испанию.

- На, держи! Ты какой сок будешь: вишневый или яблочный? – Дядя Сережа сунул Тюменцеву пластиковый стакан.

- Да, спасибо, воздержусь.

- Держи, говорю! Не отбивайся от компании! – Не спрашивая, дядя Сережа уже наливал сок Тюменцеву. Потом достал бутылку водки и показал ее всем.

- Ты же знаешь, я не пью. – Ответил ему Хонеккер. Однако его спутницы – супруга-эмо и Яна уже подставили стаканы. Евгений уже успел выпить половину. Сергей, заметив это, тут же плеснул водки в сок. – Русская «Отвёртка»! – сказал он, назвав эту бурду по имени одноименного алкогольного коктейля.

«Нет, видимо, интернет меня обманул! Нудисты отнюдь не сторонники здорового образа жизни: пить водку на такой жаре!» - мелькнула мысль в голове Тюменцева, которую обязательно нужно внести в заветный блокнот.

- За Германию нужно болеть. Бундестим – это сила. – Поддерживал Хонеккер разговор о футболе.

- Мне Франция всегда нравилась, прошлый раз они вообще в финал вышли. – ответил Евгений.

- Франция – уже не то. Я понимаю, что Зидан – это мощь, но легенды уходят. То, что показала их сборная – это галимый позор. Набрали каких-то мигрантов: они хулиганят, тренировки прогуливают, с тренером дерутся. Проиграть ЮАР! ЮАР!

- Ну, тут согласен. А Испания чем плоха?

- Ничего интересного: катают между собой мячик, голов мало бьют – никакой драмы!

- О! Злата идет! – крикнула Яна. Все обернулись: та самая нагая бронзовотелая брюнетка в соломенной шляпе медленно шагала, накалываясь на сосновые шишки босыми ногами. – Салам! Садись! Водку не предлагаем.

Тюменцеву тотчас пояснили, что девушка – мусульманка, поэтому спиртного не пьет. Однако, ей не мешает довольно часто появляться на нудистском пляже. Злата сразу же успела пожаловаться на докучливых наблюдателей и пьяниц, шатающихся вокруг пляжа.

- Это те, которые с пакетами ходят? – Поинтересовался Евгений.

- Дрочеры что ли? А то как же!

- Кто?!

- Дрочеры: рукоблуды, которые шатаются тут кругом. Мы к ним уже привыкли, но достали они изрядно.

- Несчастные, больные люди... констатировала Яна

- А пакеты им зачем?

- Жратву они там носят: целыми днями слоняются, а голод- не тётка. Вот и берут с собой «тормозки».

- И что? Неужто охота целый день подглядывать за нудистами?

- Видимо охота. – Рассказывал Хонеккер. – У них своя иерархия даже есть. Старшие ходят по дорожкам пляжа, вплотную на голых людей смотрят. Те, что младшие – наблюдают из кустов: им выходить оттуда строго настрого запрещается, а то старшие их и побить за это могут. Дрочеры, если ту успел заметить, по большей части нерусские.

- И вы их не гоняете?

- Бывает и гоняем. Иногда их конная милиция отлавливает. Особенно, когда они вон на той тропе, что ближе к лесу трясут перед людьми своими причиндалами.

- Милиция, правда, не отличает нудистов от дрочеров: для них мы все – свора извращенцев. – Добавила Яна, попутно продолжая внимательно разглядывать Евгения: несмотря на усердные попытки выставить себя целомудренной недотрогой, в этой женщине просто кипела сексуальная энергия, что было заметно невооруженным взглядом. – Но есть в этом плюс: некоторых дрочеров мы в лицо уже знаем или по имени. Таких хорошо заставить вещи сторожить, за это мы платим им возможностью посмотреть на прелести или жратвы им подкидываем.

- А если я дрочер?

- Нет, ты не их разлива. Тех мы сразу вычисляем: глаза тревожные, бегающие, норовят сорваться и убежать. У них и вид особенный какой-то: как у нашкодивших котят.

Жаркое солнце начало клониться к закату, легкие полупризрачные тени уже играли на светлокоричневой коре сосен. С реки доносились прохладные вечерние ветерки. Постепенно публика нудистов начала рассасываться. Отдыхающие многозначительно прощались друг с другом и медленно покидали пляж. Завсегдаи вместе со своим лидером – Хонеккером тоже поспешили собраться домой.

Тюменцев решил остаться здесь еще ненадолго. Стало тише, шумели игольчатые лапы сосен, воздух был наполнен железистым запахом хвои. Евгению на миг даже не хотелось отсюда уходить, а остаться в одиночестве и набросать заметки о первых впечатлениях о нудистском пляже и его обитателях. Чем больше день клонился к вечеру, тем шумнее становились компании маргиналов: где-то грохотала музыка геев, пьяницы стали увереннее и теперь всюду сновали по пляжу. Тюменцев засобиравшись домой, не рискуя ввязаться здесь в какую-нибудь заварушку.

Вечереющий парк был наполнен гуляющими людьми, высыпавшими после жгучего солнечного полудня. Лес давал хоть сколько-нибудь прохлады несмотря на то, что воздух продолжал быть знойным и густым. В чаще порхали и щебетали птицы, копошились в кустах ежи. Тюменцев про себя думал, что непременно вернется сюда еще. Возвращаясь обратно, он решил изменить маршрут: обогнул тростниковое болото, перескочил холм и оказался перед запрудой, сплошь покрытой ряской. Пространство было наполнено громким кваканьем. Подойдя ближе, Тюменцев убедился, что не ошибся: в пруду было бесчисленное множество лягушек и жаб. Маленькие буро-зеленые тельца надували шеи, ныряли, вспенивали грязную чёрную воду, что притягивало глаза многочисленных отдыхающих. Вроде бы и ничего особенного – банальное заросшее болото с лягушками и жабами, но как же отвык городской человек от всего этого, что, будто зачарованный невидалью, стоит и наблюдает за этим пустяком!

Дорожки разбегались в зеленой чаще, куда пошел Евгений. Тут он начал плутать. Поднявшись по песчаному склону холма, он оказался на солнечной поляне, поросшей ярко-зеленой травой. У подножья холма тоже были отдыхающие, устроившие тут пикник и, игравшие в бадминтон. Дальше чаща стала глуше. Узкая тропка вздымалась вверх по холму, по одну сторону которого была рытвина, заполненная сухим валежником, а по другую обрыв, поросший молодым осинником. Тюменцев глазами искал как спуститься вниз или увидеть человека, за которым можно последовать, чтобы выбраться отсюда. Место было безлюдным и диким, будто оказался в первобытном лесу: лишь одинокий человек и притихшие при его появлении лесные твари. Наконец, Евгений нашел спуск с холма и вышел на плоскую поляну, по бокам которой вздымались заросли бузины. Тут уже ощущалось дыхание большого города: где-то за деревьями гудели моторы троллейбусов, глухо кряхтели голоса репродукторов, объявляющих посадку.

Еще немного и Тюменцев шел вдоль забора, огораживающего троллейбусный парк. Едва он вышел из-под спасительной тени деревьев, как почувствовал себя как на раскаленной сковородке. Вечернее солнце жгло кожу, волосы, одежду. Толпа гуляющей публики стояла на остановке, накалившейся на горячем вечернем солнце. Тюменцев отошел в сторонку, чтобы закурить, достал сигарету и зажал ее губами. Но в тот момент ему курить расхотелось: Евгений никак не хотел прощаться с тем блаженством, которое он ощутил после этой прогулки. Не желая вдыхать ставший уже привычным смолистый табачный дым, Тюменцев убрал сигарету обратно.

Глава 2

Всю субботу Евгений провел дома. Впечатлений от нудистского пляжа было много и их нужно было еще переварить. Следующий визит он запланировал на воскресенье: это выходной, что обещало весьма большое количество отдыхающих. Возможно, там будут и девушки, с которыми можно будет познакомиться. Сказать кстати, Тюменцев завязывать контакты и общаться с противоположенным полом совсем не умел. Для храбрости он принимал на грудь, что делало его совсем нелепым. Но, несмотря на это, Евгений решил подготовиться: купил упаковку сока и бутылку красного вина – на нудистском пляже принято друг друга угощать.

Снова привычный маршрут от станции метро до парка. Автобусная остановка, забитая людьми: выходные, поэтому отдыхающих еще больше. Протиснувшись между мокрыми от пота телами, одетыми на пляжный манер, несмотря на большой и довольно некурортный город, Тюменцев отправился в путь. За окном троллейбуса под солнцем жарился огромный мегаполис, пронеслись машины, шумели эстакады. И вон, наконец, пост ГАИ и въезд на территорию парка.

На этот раз Тюменцев решил изменить маршрут. Он двинул вдоль центральной аллеи. По ее обочинам вырастали высокие глухие заборы, за которыми иногда можно было увидеть панорамные окна и черепичные крыши особняков. Городской парк давно облюбовали видные

бизнесмены, банкиры, политики и артисты. Тут себя чувствуешь, как не в своей тарелке. Иногда мимо тебя проносятся дорогие черные иномарки, сверкая лаком, за забором лают собаки, прислушивающиеся к шагам посторонних. Так Тюменцев дошел до самого конца аллеи, где у самого берега реки располагался разворот автобусов. Там же была стоянка автомобилей, пышные белые домики кафе и шашлычной и волейбольные корты. Возле автобусной остановки находились ворота, ведущие в лесистую часть парка. К слову сказать, это был даже не лес, а несколько узеньких аллеек, уложенных плиткой. По бокам ряды молодых сосенок, лиственниц, елочек, чуть поодаль заросли бирюзового цвета кустарников, за которыми вырастали стеною могучие тополя.

Вдоль тропинок были лавочки, на которых отдыхали разморенные солнцем люди, кое-где стояли деревянные беседки, окруженные благоухающими клумбами. Садовники, ухаживающие за аллеей, неустанно поливали из шлангов цветы, что создавало тягучую душную взвесь от испарений воды. Дальше ряды раскидистых темно-зеленых кленов и груш, плоды которых уже успели созреть, отрывались от веток и падали, разбиваясь в прелую труху о плитку дорожек. Так Тюменцев оказался у очередного выхода к реке. Там располагался пляж, шумевший, хохочущий, играющий музыкой. В воде плескались дети, взрослые, животные – ничего особенного.

Евгений побрел вдоль берега реки, у самой кромки воды. Слева стеной стоял густой темный лес, справа за рекой тянулись прибрежные заросли ив. Так, натываясь тут и там на небольшие песчаные пляжи, перебегая невысокие холмики, скрадывая пространство вдоль длинных заборов, огораживающих территории богатых особняков, Тюменцев вышел в сосновом бору. Беспорядочный часток кол бурых стволов сосен, тонких и прямых, будто свечки, был испещрен дорожками, разрезавшими коричневый хвойный валежник, усыпанный шишками. Тут Тюменцев опять немного заплутал, но вскоре вышел к тропинке, идущей между лесом и посадкой елок на песчаной поляне. Заветный пляж где-то рядом. Наконец, потянулись кусты жасмина, появились загорелые обнаженные тела, стали проскальзывать, как тени, одинокие пугливые фигуры рукоблудов. Чем дальше, тем больше нудистов. Жасминовая поляна была занята почти что вся: тут уже веселилась разгоряченная алкоголем публика: обжимались, танцевали под грохочущую музыку, кто-то прямо на песке предавался любви – обнаженной, первобытной, безбашенной.

Поляна волейболистов тоже была занята десятками нагих, блестящих от пота тел. Сами же волейболисты опять играли в свою любимую игру. За малинником – на территории геев, как и в первый раз, оживление, только сейчас там отдыхающих больше: танцуют, клянутся в любви, ссорятся – совсем другой, странный и непонятный мир. Дальше сосновая роща – тут уже места заняты чуть ли не под каждым деревом: все спешили забронировать лежбища в тени. На главной поляне... будто попал на пляж черноморского побережья в курортный сезон. Человек сто, если не больше: обоих полов, всех возрастов, различной степени загара, но главное – все абсолютно голые. Вот пару девушек, покрасневшие на солнце, блестящие от пота будто после бани, переминались с ноги на ногу, двигая упругими округлыми ягодицами, о чем-то разговаривали со своими спутниками, лежавшими на туристических ковриках. Другая группка, поливали друг друга из бутылок. Тюменцеву даже стало немного стыдно за себя, и он тотчас разделся. На этот раз всё произошло довольно быстро. Он стоял абсолютно голый, чувствуя свою принадлежность к этому странному обществу, к этой первобытной стихии. Его посетило ощущение, что он оказался в племени индейцев Амазонии, живущих по природе, сливающихся с естественным, отдающими свои обнаженные тела этому естеству.

Найти место куда можно примоститься было непросто: пришлось довольствоваться окраиной поляны вдоль невысоких, почти зачахших кустиков багульника. Какую-никакую тень создавала склонившая свою голову-крону береза, но для точной и верной защиты от беспощадного солнца был зонт и крем для загара, которые Евгений не забыл с собой взять.

Наблюдая за отдыхающими, Тюменцев всё больше начал замечать, что по меньшей мере половина здесь присутствующих знает друг друга и группируется по кучкам. Особняком стояла, конечно, компашка Хонеккера: вот и он – высокий, плечистый, начавший рыхлеть, и в неизменной форменной фуражке армии ГДР. Вместе с ним была и его молодая супруга – эмо. Яна, стрелявшая глазами по телам молодых мужчин, тоже суетилась вокруг клумбы вместе с ртутным дядей Сережей, который все время зубоскальничал, отряхивал морскую фуражку – которая служила ему единственной одеждой. Вместе с ними была еще и старухе лет шестидесяти, как минимум: невысокая, располневшая, с уже иссохшей, обвислой, загорелой до бронзового цвета кожей. У компашки намечался пикник: они раскладывали на простыни тарелки с овощами, пуками зелени, разной, купленной в ближайшем супермаркете снедью, выставляли пакеты с соком и бутылки с минеральной водой. Старуха суетилась больше всех, с энтузиазмом нарезала овощи, ворчала на Яну и дядю Сережу, которые отлынивали от приготовления блюд и разучивали на горячем песке какой-то танец. В этой старухе было что-то советское, чувствовалась организаторская жилка. Наверное, раньше она была или комсоргом или секретарем парткома.

Еще одна группка была, по всей видимости, новичками: троя здоровых, спортивного вида парней и четыре девушки. Они обращали на себя внимание других нудистов: смеялись, громко разговаривали, оглядывались на присутствующих. Складывалось впечатление, что они пришли сюда «по приколу», но не вписались в эту особую атмосферу.

Опять по пляжу сновал тот самый тип с длинными волосами. На этот раз он беседовал о чём-то с высоким товарищем, по комплекции и осанке – бывшим военным. С ними была молодая пара: высокий худосочный юноша с взъерошенными черными волосами и его девушка – среднего роста, рыхлая, белокожая: лишь ее лицо, шея и плечи были багряными от летнего солнца. Девушка топталась с ноги на ногу, поправляла раскинувшиеся по голым плечам вьющиеся рыже-каштановые волосы, улыбалась, нисколько не стесняясь своей наготы, чувствуя свое обнаженное тело, как нечто естественное, как будто оно и должно быть голым.

Третьей примечательной компанией была группа молодых людей, облюбовавших одну из клумб. Они занимались «бодиартом» - раскрашивали тела друг друга. Особенно довольными были девушки, которые выстраивались в очередь, чтобы их «начали рисовать». Потом они с восторгом разглядывали на себе и других нанесенные причудливые цветные узоры, морские волны, ныряющих дельфинов, диковинные цветы. Тут принимали всех: худых и толстых, красивых и некрасивых, загорелых и бледных – двери терпимого к любой внешности нудистского царства были открыты для любого желающего. Тут никто не считал себя ущербным или стесненным – полная демократия.

По поляне и ее окрестностям слонялись и другие типы, которые держались особняком. На глаза попались двое молодых людей. Один из них высокий, лет тридцати, несмотря на свой возраст уже успевший начать набирать вес. Его глубокие залысины переходили в прямые пряди жидких черных волос, спускавшихся до плеч. Сквозь толстые линзы очков он наблюдал за пляжем, стоя в позе хозяина: уперев кулаки в боки, и расставив ноги на ширине плеч. Непонятно было зачем этот человек сюда приходит и что высматривает: возможно то же самое, что и сам Тюменцев.

Ближе всего к Евгению, в позе панды сидел еще один молодой человек лет тридцати. Тоже располневший, рыхлый, белокожий. На его голове лежала промоченная водой футболка, служившая хозяину защитой от палящего солнца. Парень тоже озирался по сторонам, что-то ища.

Отдельным словом нужно отметить детей нудистского пляжа. Их здесь было не так много, как обычно бывает на текстильных пляжах. Они хоть и бегают повсюду, но при этом остаются неслышными: не орут, не кидаются палками и камнями, не капризничают. Впрочем, их роди-

тели, в том числе и Хонеккер с Мушко даже не орут на них: полное понимание, не требующее лишних слов.

Между множеством голых тел сновал неуёмный Владимир Москвин, заводил разговоры то с одним, то с другим. Той компашке «залетных» он начал высказывать какие-то замечания, что им, по всей видимости, не понравилось. За всем этим действием наблюдал дедок в панаме и с бородой, сидевший в самой тени – подальше от всех. На его лице угадывалась довольная улыбка, будто весь этот пляж был его детищем и достоянием. Разглядывая этого старика, Тюменцев заметил татуировку «пацифик» на плече: видимо, он раньше был хиппи и ходит на этот пляж довольно давно. Дед ощутил на себе взгляд и посмотрел на Евгения. Тот перевернулся на спину и, закрыв лицо рукой, стал наслаждаться ясным летним днем. Солнце покалывало тело, иногда поднимающийся лёгкий ветерок ласкал кожу. Тюменцев заметил, что ему совсем не хочется курить. По правде сказать, он уж успел выкурить сигарету, стоя на автобусной остановке возле метро, но этого было достаточно. Больше не тянуло. Запах хвои, лишайников, коры сосен, сырых ароматов, доносившихся с реки, легкое дуновение берез наполняло легкие, вычищали всю скверну, коей они были наполнены у человека, жившего в большом городе. Тюменцев вспомнил о своем блокноте, начал делать в нём новые заметки, а затем решил накидать схематичную карту этого необычного пляжа.

Работу в блаженной неге прервал раздавшийся резвый хохот. Евгений сел на коврик, поднял на лоб солнцезащитные очки. По поляне уверенно шагала появившаяся тут компания. Главный у них – высокого роста, полноватый, грудь, живот, плечи и руки которого поросли косматыми волосами. Его уверенно-наглая физиономия с прищуренными глазками оглядывала всех присутствующих. На плече он тащил чем-то набитую сумку. Вместе с ним был стриженный ежом амбал и две девушки. Одна – разбитного вида, загоревшая точно не на пляже, с причёской из дредов на голове, другая с короткой стрижкой «под горшок» – белокожая, все тело которой сплошь было покрыто синего света татуировками. Очевидно, что компания была пьяна.

Сделав круг по поляне, они удалились за сосновый бор. Затем вернулись: видимо, ничего интересного там они не нашли. Как будто чувствуя своих собратьев, они примостились к компашке «залетных». Главный, косматый, достал из своей объемистой сумки жестяные банки пива и начал угощать новых друзей. Дополнительная доза алкоголя подбивала на подвиги: здоровенный амбал, стриженный ежом, уже начал прямо на глазах у всех сжимать своей лапищей задницу одной из своих спутниц. Что-то очень веселое и, возможно, скабрезное, начал нашептывать на ушко одной из девушек толстяк – заводила. Появление здесь этих людей вызвало напряжение у всех остальных. Москвин, который так охотно делавший всем замечания, успел скрыться из виду, чтобы не нарываться лишний раз на неприятности. Додельный Хонеккер поспешил увести детей внутрь клумбы, лишь одна старуха из компании завсегдаев прямой наводкой, как торпеда, двинула к группке наглецов, когда они уже начали при всех обжиматься. Бабка что-то кричала, размахивала руками, ее соперники больше отмалчивались, похохотывали, глядя на нее. Конфликт привлек внимание длинноволосого, лысоватого очкарика и разморившегося от солнца парня с футболкой на голове.

Старания бабки были не напрасны: компания, нехотя, но удалилась с большой поляны, прихватив с собой разгоряченных пивом «залетных». После их ухода стало тише, некоторые начали разбредаться. Странно, но факт, что нудистов на пляже было тем больше, чем выше столбик термометра на градуснике. Жара после полудня спала и вместе с ней отдыхающие начали удаляться восвояси. Тюменцев собрал свои вещи и решил найти более прохладное место. Сделав пару кругов под соснами и, не найдя там нормального места из-за снующих дрочеров, Евгений повернул на главную поляну. Навстречу ему с хохотом выскочили две молодые девицы в легких сарафанах. Неожиданно наткнувшись на нудиста – Тюменцева, они раскраснелись от стыда и, расхохотавшись еще больше, понеслись дальше. Наконец, Евгений нашел

уютное местечко и расстелил там коврик. Неподалеку от него появилась уже знакомая Злата. Поприветствовав Тюменцева легким кивком головы, она бросила вещи на свой коврик и стянула с себя платье, под которым из одежды не было ничего. Освободившись от плена текстиля, она стала в полный рост, расправила плечи, подставляя красивое обнаженное тело под лучи вечернего солнца, которое играло на очертаниях ее фигуры: подтянутых грудях, плоском животе, несколько костлявых бедрах, стройных ногах.

Что-то явно очень интересное происходило за посадкой берез, что группа рукоблудов, до этого сновавших между сосен, рванула туда. За ними, весь преисполненный интересом, побежал молодой человек с футболкой на голове. Заинтригована происходящим была и Злата, которая размеренным шагом двинула в злчное место. Очень скоро она вернулась, смущенно улыбаясь. За ней бежал, запыхавшись и хохоча, толстый парень.

- Снежный человек опять в своем репертуаре! – Многозначительно заявила Злата, с видом, будто привыкшая к подобным выходкам.

Тюменцев поспешил сам воочию увидеть, что там происходило. За ним опять пошла Злата, не отставал и хохочущий парень. К ним спешил и тот очкарик, который всё это время что-то пытался высмотреть.

На зелёной полянке за березовой рощей творился ажиотаж. Снежный человек – так называли того самого наглого пошлого типа, обросшего косматыми волосами, повалил на траву одну из своих новых подружек. Та кричала, охала, хохотала. Рыхлое тело Снежного человека двигалось вперед-назад, а на его спине были скрещенные женские ноги. Самозабвенно предавался утехам страсти и его друг- здоровяк: на нем скакала девица с дредами на голове, а на лице сидела разукрашенная татуировками. Не отставали от них и новые знакомые, совершенно не стеснясь своей животной страсти.

- Милости просим: Снежный человек и Тарзан. Тарзан – это тот, который сразу с двумя. – Улыбаясь, представила Злата Евгению двух примечательных обитателей нудистского пляжа.

- Снежный человек... я так понимаю, потому что он такой?

- Да, именно. Так-то его Витей зовут. Раньше был скромным пареньком, кандидатскую защищал, а потом его понесло. Теперь это главная сексуальная сила пляжа. Конкурент ему только его друг Тарзан.

- И часто у вас тут такое бывает?

- Частенько. Но занимаются этим всегда одни и те же. А уж если Снежный человек и Тарзан появились, то считай вечер траха начат. Когда совсем стемнеет, то тут такие страсти кипят!

Злата пошла обратно на поляну. На все это безобразие из нудистов продолжали смотреть лишь двое парней, остальные – бродящие тут рукоблуды, которые уже стояли, запустив руки в штаны.

- Злата! Простите за назойливость! А вы тут постоянно отдыхаете? – Догнал новую знакомую Евгений.

- Довольно часто. Люблю этот пляж, хоть он за последние годы успел испортиться. Лет пять назад тут было меньше маргиналов и больше свойской публики. Да и сам парк испортился: народу много, целыми толпами бродят, богатеи эти все больше территории отвоевали. Я тут видела Любовь Алексеевну, которая уже собиралась домой. Она тут в компании с Хонеккером обычно отдыхает. Вот она сторожил: ходит сюда лет двадцать, если не больше, считает себя хозяйкой пляжа.

- Наверное, она раньше в парткоме каком-нибудь работала: чувствуется ее организаторская жилка.

- А ты с ней знаком уже?

- Нет, просто приметил. Эта та самая бабушка у клумбы Хонеккера, не так ли?

- Я-то думала, что она уже успела тебе прочесть целую лекцию о том, как плохо мочиться в реку. Но, несмотря на ее усилия, все это упорно делают. А вообще ты прав: она раньше в парткоме какого-то НИИ работала, убежденная коммунистка, как Хонеккер и я.

- Ты коммунистка?

- Да. Я родилась в Югославии, мои родители состояли в коммунистической партии. Потом началась война и мы переехали в Россию.

- Как и многие сербы?

- Нет, я не сербка, я – боснийка, хотя многие меня тут считают то татаркой, то албанкой.

- Извини, ошибся. – Смутился Тюменцев, зная, насколько болезненны для югославов их межэтнические отношения.

- Ничего, не извиняйся. Я не какая-нибудь сумасшедшая националистка или религиозная фанатичка. Я считаю себя коммунисткой и верна интернациональным убеждениям. А нашего Изетбековича, да и прочих югославских националистов: моджахедов, четников, усташей – презираю.

- А ты правда мусульманка?

- Мои родители – атеисты, и выросла я в атеистической среде. Не сказала бы, что я разделяю учение ислама, хоть и верю, что что-то там есть...

- Ты очень хорошо говоришь по-русски!

- Я же славянка! Мы, боснийцы – славяне-мусульмане.

- Я слышал, что у вас в Югославии нудизм очень популярен был. Да и сейчас тоже: я работаю в турфирме, и мы продаем немало путевок на нудистские курорты Хорватии и Черногории.

- Поэтому я и люблю нудизм: мне он напоминает о детстве и юности, о моей родине, еще не сгоревшей в пламени войны. У нас скорее, человек в текстиле на пляже вызвал бы недоумение. Помню, что каждые летние каникулы с родителями отдыхали на натуралистских кэмпингах. А так я нисколько не стесняюсь ходить голой: еще в школе на физкультуре во время занятий в бассейне мы все вместе – и мальчики и девочки купались голышом, и учительница наша тоже голой занятия в бассейне проводила.

- Я слышал, что многие нудисты и дома ходят так...

- Как, например, я. Обожаю ходить обнаженной... ну, кроме зимы, конечно. А сплю я всегда исключительно голая. Вот Хонеккер и зимой нагишом по квартире ходит. Он меня как-то приглашал на Новый год, там были некоторые наши с пляжа. Так вот это может показаться странным: весь вечер мы просидели обнаженными.

Послышался старушечий голос, и на пляже опять появилась хозяйка – Любовь Алексеевна. Она старательно подбирала мусор, продолжала кому-то делать замечания, перетаскивала в клумбы брошенные полена. Особое почтение хозяйка пляжа выразила появившейся на пляже молодой девушке. Среднего роста, с рыжими выющимися локонами волос, едва касавшимся плеч. Выражение лица ее было несколько отрешенное: грустные, но в тоже время колкие большие глаза, маленький вздернутый нос, аккуратные яркие губы. Она шла, катя рядом с собой велосипед, аккуратно ступая босыми ногами по горячему песку. Появление этой незнакомки вызвало оживление у тех двух парней, продолжавших отдыхать на пляже. Особенно властно и уверенно выпятил свой живот лысоватый очкарик, держа руки в боки и будто с хвастовством демонстрировал девушке свой детородный аппарат. Она заметила это, но тут же, поморщившись, прошла мимо. Так же без интереса она прошла мимо «панды» с футболкой на голове и мимо самого Евгения. Ей на пути встретился тот самый лохматый, похожий на стриптизера. При его появлении она приветственно заулыбалась, о чём-то начала разговаривать. Найдя себе укромное местечко, она примостила велосипед и сняла с себя кофту. Рыжеволосая незнакомка оставалась одета только в джинсовые бриджи. Она поправляла растрепавшиеся волосы, покачивая округлыми рыхлыми грудями с аккуратными розовыми сосками. Тюменцев не мог ото-

рвать от незнакомки глаз, но эту идиллию прервало появление Снежного человека и компании. Те были уже еще больше пьяны, Тарзан вообще едва держался на ногах, из-под которых предательски растекался рыхлый белесый песок.

Девушка, видимо, знала эту злосчастную компанию, и не потерпев их соседства, начала собираться. Очень скоро, катя велосипед рядом с собой, держа в руках сандалии, она удалялась с пляжа. Ее окликала Любовь Алексеевна и тот самый «стриптизер», но незнакомка была непреклонна: извиняясь и откланиваясь, она уходила.

- Опять спугнули Сашеньку! – С грустью подметила Злата.

- Девушку с велосипедом что ли?

- Да. Тихая интеллигентная девушка. Малоразговорчивая, правда. Всегда уходит, когда тут начинается подобное, или появляются вот эти придурки.

- Я, пожалуй, тоже на сегодня закругляюсь. Впечатлений хватит. – тяжело вздохнул Евгений. Действительно, очередной день на пляже не остался без новых открытий.

Тюменцев распрощался с Златой и быстрым шагом направился по тому маршруту, по которому предположительно ушла девушка. Опять он заплутал на вечерних дорожках парка. Кругом голоса бесчисленных птиц, зеленое пестрое море перед глазами, мелькающие фейерверки сосновой хвои, тростники по берегам озер. Придя домой и уложившись в кровать, в глазах всё еще мелькала лесная чаща, темные кроны сосен и... фигурка рыжеволосой незнакомки с велосипедом.

Глава 3

Тюменцев начал понимать почему обитатели пляжа, один за другим, были убеждены, что он впишется в жизнь пляжа. Они оказались правы. Место обладало особой энергетикой и магнетизмом: туда тянуло, манило. Будто околдованный, Тюменцев уже третий раз едет туда, готов переносить жару, толкучку в общественном транспорте, лишь бы оказаться в облюбованном месте. Евгений уже не чувствовал себя чужим в этой среде, утратил чувство стыда: теперь он полноправный член этого общества, или лучше сказать племени, ибо там все друг друга в той или иной степени знали друг друга, существовали свои правила и порядки, определенный, не похожий ни на что этикет. Но, самое главное, - нудисты держатся всегда особняком, подальше от «текстильщиков» и поборников «морали».

И снова привычный день на пляже. Все, как всегда, только понедельник, а значит, народу поменьше. Всё также кучкуются группками завсегдатаи, во главе с Хонеккером: опять у них пикник и музыка. Любители натальной живописи тоже тут, но на этот раз их поменьше, чем в выходные. Совсем незнакомых людей нет. Москвин носился, как комар, не зная к кому пристать, заводил то пустые, то довольно интересные беседы. Впрочем, о последних: увлеченный краевед рассказал о том, что место это давно облюбовано для отдыха: когда-то первым это сделал царь Алексей Михайлович Романов, охотившийся здесь на медведей или занимавшийся соколиной охотой. Медведей здесь, конечно, уже не осталось, но хвойная чаща с буреломами место для этих зверей вполне подходящее: Тюменцев даже на минуту посмотрел вдаль на темнеющий лес и представил себе семнадцатый век, глушь, царя на коне и его лихую свиту. Москвин упорно ждал какого-то Славку, но поняв, что не судьба, сам того не зная, познакомил Тюменцева с еще некоторыми членами голого племени.

Как выяснилось, те двое: очкарик с длинными волосами и панда с футболкой на голове – тоже, как и Тюменцев, люди на пляже новые. Высокого в очках звали Дима, сам он местный, закончил когда-то физтех, но работает в конторе по заправке принтеров и ремонту офисной техники. Второй, который полноватый с футболкой на голове – Виталик, закончил филфак, но его специальность оказалась невостребованной, поэтому он работает на почте. Хитрый Москвин быстро смекнул, хоть и не давал понять своим новым знакомым, что знает, зачем они сюда пришли. Возможно, он и ровняет всех по себе, но всё равно угадал правильно. Виталик и Дима

с грустью озирали пляж в первый рабочий день недели: народу мало, а женщин вообще по пальцам пересчитать можно. Тюменцев тоже ждал визита девушки с велосипедом, уж очень она ему врезалась в память. Он, конечно, не мастак по знакомству с противоположенным полом, более того: плана на случай её появления не имел, но надеялся, что как-нибудь выкрутится, что-то придумает. Почему бы нет? Это на просторах интернета говорится, что нудизм лишен сексуальности, но в реальности это совсем не так. Возможно, за границей люди ходят на голые пляжи лишь для того, чтобы отдохнуть, но русский нудизм – это совсем другое: это еще и площадка для знакомств. Евгений, хоть и был в этой среде новым, но трудно тут не заметить сексуального подтекста – это было еще одно его открытие в области отечественного нудизма.

От шока, который на него произвела Александра, он даже забыл вчера пакет с вином и соком. На утро его уже не обнаружил: видимо, лихая праздная компания ужа давно всё употребила. Но Тюменцев был запасливый: он опять пришел с двумя бутылками вина, покупать сомнительного качества мороженое и бутерброды, которые продавал разносчик еды, он не решился.

Завсегдатаи, увлеченные приготовлением и поеданием своих бесконечных салатов, внезапно взорвались восторгом, когда на песке большой поляны появилась кокетка в коротком розовом платье на тонких бретельках: блондинка с длинными, распущенными до плеч волосами. Приветственно помахав всем присутствующим рукой, она отошла в сторонку и медленно начала раздеваться. Надо сказать, что выглядело это как будто напояк: у особы был некий флёр артистизма. Тюменцев, вместе с Димой и Виталиком тут же принялись изучать незнакомку: приятной наружности, хорошо сохранившаяся то ли в следствие генетики и диет, то ли по волшебству пластического хирурга, несмотря на свой возраст – лет сорок с хвостиком, возможно даже большим. К ней тут же подошел Хонеккер и Яна, они принялись о чем-то беседовать. Вскоре подтянулся и дядя Сережа с колодой игральных карт. За ними еще несколько лысоватых мужиков почтенного возраста. Они уселись на ее простыню, и пошла игра в карты: веселая, задорная, с периодическими выкриками вроде: «играть на раздевание сегодня не будем» или «кон-реванш продолжим в кустах». Яна и Хонеккер в этом принимать участие не стали, оставив компаньшу. Возрастные мужики прилипли к женщине, как мухи. Их вожделение было трудно скрыть, возможно, Элеонора – так они ее называли, это понимала, но не давала шанса никому. Несколько раз они всей компанией убегали в сторону реки, причем Элеонора с детским спасательным кругом -по всей видимости, плавать она не имела.

Дима и Виталик горестно вздохнули, продолжая туда-сюда бродить по пляжу: Элеонору им точно не получить. Тюменцев думал точно также. Впрочем, его мысли были заняты Сашей с велосипедом, он ждал ее. Тут, с реки шла белокурая гостья. Толстоватые и неуклюжие увальни-спутники едва поспевали за ней. И вот она – прекрасная, обнаженная, вся в потоках от речной воды, направилась прямо к Тюменцеву, стоявшему с пачкой сигарет в руке.

- Молодой человек, я вас не отвлекаю? Сигареткой угостите? – произнесла она, откидывая прядь мокрых волос с обнаженного плеча. Тюменцев мигом оглядел ее: худощавое, начавшее стареть, но все еще привлекательное тело, маленькие по-девичьи конусообразные груди, плоский живот, переходящий в треугольное лоно с щетинкой рыжеватых волос, немного костлявые чресла, длинные худые ноги, жилистые ступни с васильковым педикюром. Евгений молча протянул открытую пачку сигарет. Элеонора тут же схватила его за руку.

- Какие куришь?

- «С-сенатор»... дрожащим голосом, заикаясь, ответил Тюменцев, в то время как Элеонора вывернула ему ладонь, чтобы посмотреть название сигарет на пачке.

- Зажигалки не будет?

Евгений достал сигарету себе и положил ее в угол рта. Дрожащими руками он поднес пламя зажигалки к своему лицу, в то время как Элеонора подошла к нему почти вплотную и зажгла свою сигарету от сигареты Тюменцева. Он не смел шелохнуться, ноги сделались будто

каменными, кровь заиграла во всем теле, когда Евгений почувствовал излучение жара тела Элеоноры совсем рядом с собой. Женщина сделала затяжку и немного отвернувшись, выпустила в воздух клубы табачного дыма. Затем она в упор посмотрела в лицо Тюменцеву, тот был будто ослеплен ее серо-стальными глазами – озорными, лукавыми, и в то же время какими-то усталыми от жизни. Женщина ушла, неспешно шагая по поляне, загребая голыми ногами горячий песок. За ней, пыхтя, ковыляли растолстевшие плешивые сатиры. Где-то в стороне, совсем рядом с их маршрутом стоял Дима: такой же нелепый, как всегда – руки в боки, в позе колосса Родосского, только теперь он приоткрыл рот, глядя на немолодую белокурую красавицу. Та заметила это и бросила на легкий взгляд, сначала на лицо, а потом на торчком поднявшийся «детородный аппарат» Димы.

- Она не рожала что ли? Сиськи как у нерожавшей – не обвисшие. – Будто решив свеситься, подскочил к Евгению Виталий. Тюменцев лишь пожал плечами, продолжая провожать глазами удаляющуюся фигуру Элеоноры.

Динамики радиоприёмника завсегдатаев грянули знакомой мелодией. «О! Чингизхан!» - радостно вскрикнул дядя Сережа, и, повернув катушку реле, сделал музыку громче. Постаревшие, обзаведшиеся семьями, детьми, завсегдатаи уже потеряли вкус к жизни и острым ощущениям. Или, быть может, пресытились ей. Мелодия, которую они слышали тысячу и один раз – вот, что их могло взбудоражить и порадовать.

- Элеонора фотографируется! Элеонора фотографируется! – Запыхавшись, расплываясь в улыбке, бежал сообщить Евгению и Дмитрию Виталий. Все трое тут же побежали на другой конец поляны. За ними ринулся и вездесущий Москвин, который вслед начал кричать, что «Если появилась Эля, то жди, что пляж погрязнет в разврате». Было ли это сожаление, или тайное желание Москвина – непонятно. Но для Евгения, Дмитрия и Виталия всё было однозначно.

- Такса - двести рублей за фотографию! – Подняв палец вверх, сказал дядя Сережа, ожидая начала фотосессии.

- Совместные фото – пятьсот. Очень смелые – семьсот, очень смелые совместные – тысяча. – Добавила Элеонора, напоминая расценки за фотографии. Для Тюменцева это была очень хорошая новость, он и не ожидал, что нудисты позволят здесь что-либо фотографировать, тем более их самих. Мигом он помчался к своим вещам, прихватил сумку с деньгами и вернулся к месту фотосессии. Сеанс уже был в разгаре: кто-то фотографировал на телефон, кто-то на цифровой фотоаппарат.

- Фотографиями, которые отснял, нужно потом поделиться с теми, кого снимал. – Пояснил правила нудистского этикета дядя Серёжа.

Евгений лихорадочно рылся в сумке, считая сколько денег с собой взял. В бумажнике оказалось всего три тысячи. В это время на фоне ёлки позировали Элеонора, Яна и Мушко. Сделав не менее дюжины фотографий, пошел черед других запечатлеться. Женскую троицу поочередно разбавляли то Хонеккер, то спутники Эли, то еще кто-то. Наконец, на откровенную фотосессию решился и Тюменцев: выдохнув, он шагнул вперед и встроился в ряд голых тёток. Его примеру тут же последовал и Дима. Москвин бродил рядом, ничего не фотографировал и сам не принимал участия в этом. Виталик смущенно похихатывал, но не решался сняться голым на телефон почти что незнакомых людей.

Затем Элеонора начала позировать соло в весьма вызывающих позах, недвусмысленно поглаживая себя по женским прелестям. Это и считалось «очень смелыми фотографиями». Тюменцев, не переставая снимал на телефон, позабыв, что это все не бесплатно. Затем как бы в шутку и невзначай спросил: «А очень смелые совместные будут». Стоило только ему это сказать, как несколько рук тут же толкнули его к белокурой позёрше.

- Ну, давай! Почему бы и нет? – Улыбаясь, сказала она. Тюменцево бросило в холод, он понял, что вся эта толпа, воспаленная жаром первобытного инстинкта, сейчас начнет его фото-

графировать. А что, если все это попадет в интернет? Какой скандал будет, если на эти фоно наткнется кто-нибудь из коллег, а еще хуже шеф! Но было уже поздно: Яна услужливо забрала телефон из рук Евгения, а Эля с видом похотливой кошечки начала обнимать Тюменцева.

- Давай, Гюнтер! Давай! Смелее! Возьми ее! – командовало племя, которое почему-то единодушно называла Евгения Гюнтером.

Элеонора взяла инициативу в свои руки: то прижималась к Тюменцеву всем телом, то они оба в обнимку становились на колени, то она прижимала его голову к своему лобку, то наоборот. Тюменцев не соображал ничего, всё было будто во сне и не с ним. Он начал ощущать напряжение ниже пояса и понял, что это уже видно всем к всеобщей ликующей радости. Элеонора пустила в ход руки... она делала это так искусно, что кровь в жилах Евгения закипела настолько, что готова была выплеснуться из ушей и носа. По телу бежали судорожные холодки, в глазах замерцали серебристые блики. Он ощутил невиданное блаженство, будто оказался в раю. Нет! Не ускользай мгновение! Продлись еще немного!

- Я с вами! Я свами! – Хрипло заорал Дмитрий, и, сняв свои толстенные очки, ринулся к позирующим Эле и Евгению.

Вспышки камер фотоаппаратов и мобильных телефоном продолжали мерцать. Потом, немного спустя, фотосессия закончилась. Все начали просматривать отснятое, показывать друг другу. Первым делом, Тюменцев, едва переводя дух, начал перелистывать свои фотофайлы, которых оказалось так много, что тут точно тремя тысячами не расплатиться. Он достал бумажник, вытащит оттуда три жалкие бирюзовые банкноты и с досадой начал озираться по сторонам.

- Могу бутылками вина расплатиться, если что!

- Тоже пойдет! Одна бутылка – три обычные фотографии, и за одну откровенную – бутылка. – Согласилась Элеонора и выхватила из рук гаджет Тюменцева, начав листать его фотографии. – Можешь мне на номер скинуть деньги, или просто перешли мне по ММС фотографии, которые не собираешься сохранять. – И с этими словами тут же набрала свой номер мобильного и сохранила его в телефонную книгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.